

Сергей Осипович по праву считается видным белорусским государственным деятелем, прославленным участником национально-освободительного движения. Был замечательный фильм «Красные листья». Это о нем, о Притыцком. Правда, говорят, что в фильме есть домысел. Не без этого, наверное. Но главное состоит в том, что фильм построен на реальной биографии молодого западнобелорусского революционера. Главное в этом фильме — его четыре выстрела 27 января 1936 года в здании Виленского суда.

Из записок С.О.Притыцкого

26 января целый день блуждал по улицам Вильно с пистолетами в карманах, испытывал наслаждение жизнью и всем, что меня окружало. Кто знает, буду ли я жить завтра. День был пасмурный и холодный, но он казался мне чудесным. Никогда я так жадно не вдыхал воздух, никогда для меня не были такими прекрасными небо и вода в Вилии, как в тот день. И все люди мне казались необычайно добрыми...

Утром 27 января направился в окружной суд.

Наконец председатель суда объявил: «Пригласить свидетеля Якова Стрельчука». Раскрылись двери, и из кабинета прокурора вышел он, провокатор.

Мгновенно вынув из карманов оба пистолета, направился к судейскому столу. Направив один пистолет под правое ухо, второй в спину, нажал на оба курка одновременно. Прозвучали два выстрела. В зале поднялась большая паника. Судья и прокурор полезли под стол, публика бросилась к выходу. Для большей уверенности я послал еще две пули...

Шпики выхватили пистолеты и открыли по мне огонь... И только тогда перестали стрелять, когда посчитали, что я мертв.

В июне 1936 года Виленский окружной суд вынес мне приговор: смертная казнь через повешение...

Полтора года просидел в камере смертников в ожидании той минуты, когда меня поведут на виселицу... Потом смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Свобода пришла в сентябре 1939-го...

* * *

Работали мы в 50-е годы в разных областях: Притыцкий — в Гродненской, Барановичской, Молодечненской, я — в Пинской и Брестской. Думаю, что до лета 1953 года он мог обо мне и вовсе ничего не знать. Был я тогда первым секретарем райкома партии в полесской глубинке, в Телеханах.

В 1960 году встал вопрос о начальнике Минского управления КГБ. Полковника Зимина сняли за грехи 1937 года. Ивана Терентьевича Скарубина утвердили в этой должности на бюро обкома партии. При этом первый секретарь обкома партии Сергей Осипович Притыцкий не согласовал вопрос ни в ЦК КПБ, ни в Комитете Союза. А там возражали против кандидатуры Скарубина. Кажется, были претензии по довоенной работе. Подробностей не знаю.

Прошло три-четыре месяца, а может быть и больше. Скарубин работает, но «наверху» его не утверждают. Притыцкий твердо стоит на своем, не отступает. Ни Мазуров — первый секретарь ЦК, ни Машеров — секретарь ЦК по кадрам, никак не могут убедить первого секретаря обкома. Наконец сказали безоговорочно: «Скарубин работать не будет».

Летом 1961 года позвонил мне в КГБ БССР по правительственной «вертушке» П.М.Машеров.

— Зайди ко мне в ЦК.

Зашел.

Состоялся разговор о делах вообще, об обстановке в КГБ республики.

— Ну вот что, пойдешь работать начальником областного управления — Минского или Брестского, — сказал Машеров.

— Петр Миронович, Брестская область — это моя область. Там вырос, знаю людей, и меня знают. Но небольшой чекистский опыт не позволяет мне согласиться с вашим предложением. В Бресте, на границе, надо ежедневно принимать решения. Что же я буду каждый день бегать в КГБ республики за советом? А Минская область для меня почти что новая. Никого здесь не знаю.

Так и разошлись, не приняв решения.

Через парочку дней снова последовал звонок от Петра Мироновича:

— Я звонил Кириллу Трофимовичу в Карловы Вары, советовался с ним. Он сказал: «Решайте сами на месте». Думаю, что у тебя резонные возражения по Бресту. Пойдешь работать в Минскую область.

*С полным текстом документа можно
ознакомиться в здании библиотеки*